

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ТЕМПОВ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ЭМИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА

© 2016 С.Н. Гусев*

Ключевые слова: экономический рост, экономическая динамика, воспроизводственные процессы, неоклассическая производственная функция, модели экономического роста, потребительские расходы населения, инвестиционная деятельность, инвестиционная активность, кредитные ресурсы, рентабельность продаж, процентные ставки, прямые иностранные инвестиции.

Раскрывается проблематика построения нового типа моделей экономического роста, отражающих влияние на фактическую динамику агрегированного выпуска широкого спектра переменных циклического и структурного свойства. Обосновывается предположение о том, что интенсивность воспроизводственных процессов детерминирована, главным образом, пятью макропараметрами деловой среды: темпами увеличения потребительских расходов населения, склонностью бизнеса к самофинансированию инвестиционной деятельности, степенью доступности кредитных ресурсов, а также инвестиционной активностью государства и экономических агентов-нерезидентов. На статистическом материале России и Республики Татарстан за 1999-2013 гг. выявлены факторы и ограничения экономического роста в соответствующих хозяйственных системах, а также сформулированы рекомендации относительно стратегии, дизайна и контента первоочередных мер экономической политики, призванных обеспечить его ускорение.

Как известно, неоклассические модели экономического роста (Солоу, Мэнкью-Ромерат - Уэйла и т.д.) базируются на концепции агрегатной производственной функции [1], т.е., проще говоря, на схеме “затраты - выпуск”. При этом априори предполагается, что все производительные силы экономики вовлечены в хозяйственный оборот, а сама она находится в состоянии долгосрочного равновесия на пределе (“границе”) производственных возможностей. Таким образом, можно констатировать, что подобные конструкции в большей степени пригодны для моделирования не фактических, а так называемых “потенциальных” темпов увеличения ВВП, достигаемых в режиме всеобщей загрузки производственного потенциала.

Между тем драйверы ускорения или замедления экономической динамики могут лежать как на стороне предложения (носить “структурный” характер), так и в области спроса (иметь “циклическую” природу) [2, 3], причем сама хозяйственная система способна покидать состояние полной занятости, в том числе и в течение длительного периода времени. Бывший министр финансов США Л. Саммерс полагает, что угроза “вековой

стагнации” для американской экономики исходит из хронической невозможности вернуть ее на траекторию потенциального выпуска [4], поскольку “*домохозяйства недостаточно тратят на потребление, а фирмы недостаточно инвестируют*”.

С известными оговорками подобные суждения справедливы и в отношении формирующихся рынков: объемы валового внутреннего продукта в России сократились более чем на 40% на этапе 1990-1998 гг., а восстановились они лишь во второй половине 2000-х гг. [5], в то время как в производственном аппарате страны не наблюдалось сопоставимых по масштабам сдвигов и изменений. Очевидно, что такая динамика не найдет адекватной интерпретации в рамках неоклассических моделей роста, еще одно уязвимое место которых, по нашему мнению, заключается в свойстве “операционной нейтральности”.

Само по себе осознание того, что при заданных объемах факторов производства размеры агрегированного выпуска достигнут того или иного уровня, мало что дает в плане понимания принципов и механизмов регулирования воспроизводственных процессов, ибо параметры экономической среды, влия-

* Гусев Святослав Николаевич, кандидат экономических наук, ст. преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Svatoslav.Gusev@tatar.ru.

ющие на формирование самих затрат производственных ресурсов, в данном случае во многом остаются “за скобками” анализа.

В данной связи особую актуальность приобретает проблема построения новых моделей роста, с одной стороны, учитывающих воздействие на экономическую динамику спроса, а с другой - позволяющих генерировать практически реализуемые рекомендации по поводу оптимального выбора регулярных и неотложных мер экономической политики, ее денежно-кредитной (монетарной) и бюджетно-налоговой (фискальной) составляющих.

В ходе решения поставленной задачи мы будем исходить из канонического представления о том, что темпы увеличения ВВП в любой данный момент времени определяются посредством балансировки спроса и предложения:

$$t_{GDP} = f(D, S), \quad (1)$$

при этом сам спрос детерминируется преимущественно расходами на потребление домашних хозяйств, а предложение - инвестиционной активностью экономических агентов, т.е.

$$D = D(t_{CS}) \quad (2)$$

$$\text{и } S = S(IA). \quad (3)$$

В макроэкономическом контексте финансовую базу процессов накопления образуют общественные сбережения PS и чистый приток капитала из-за рубежа ΔK [6]:

$$I = PS + \Delta K, \quad (4)$$

причем в роли инвесторов могут выступать и частный, и публичный секторы, осуществляющие свои вложения за счет собственных и привлеченных средств.

Как следствие, инвестиционная активность на макроуровне практически исчерпывающим образом задается склонностью бизнеса и государства к вовлечению в инвестиционный оборот собственных сбережений, степенью доступности кредитных ресурсов, а также масштабами присутствия на внутреннем инвестиционном рынке иностранного капитала.

С учетом сказанного выражение (3) приобретает форму функциональной зависимости:

$$S = S(N, i_C, N_S, i_f), \quad (5)$$

аргументы которой нуждаются в некоторой дополнительной расшифровке и детализации.

Здесь N - норма самофинансирования инвестиционной деятельности, исчисляемая как

$$N = I_\pi / (\pi - T_\pi + A), \quad (6)$$

где I_π - совокупные объемы капитальных вложений за счет собственных средств предприятий; π - сальдированный финансовый результат экономики; T_π - поступления в бюджет по налогу на прибыль организаций; A - размеры амортизационных отчислений фирм [7]; i_C - индекс доступности кредитных ресурсов:

$$i_C = n/r, \quad (7)$$

где n - величина рентабельности продаж; r - размер процентных ставок на внутреннем рынке ссудного капитала; N_S - склонность государства к инвестированию:

$$N_S = I_B/E_B, \quad (8)$$

где I_B - объемы капитальных затрат консолидированного бюджета; E_B - размеры его совокупных расходов; i_f - индикатор удельного веса прямых иностранных инвестиций в структуре национального накопления:

$$i_f = FDI/I, \quad (9)$$

где FDI - размеры привлеченных прямых иностранных инвестиций (ПИИ); I - валовые объемы капиталовложений в хозяйственной системе.

Подставляя выражения (2) и (5) в формулу (1), получаем близкий к окончательному вид искомой модели экономического роста:

$$t_{GDP} = f(t_{CS}, N, i_C, N_S, i_f), \quad (10)$$

которую мы будем строить на статистическом материале для России и Татарстана за период 1999-2013 гг. как множественную линейную регрессию:

$$t_{GDP} = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot t_{CS} + \alpha_2 \cdot N \cdot RR_K + \alpha_3 \cdot i_C \cdot RR_K + \alpha_4 \cdot N_S \cdot RR_K + \alpha_5 \cdot i_f \cdot RR_K \quad (11)$$

с учетом фактора, отражающего макроэкономическую эффективность инвестиционных процессов RR_K .

Данный показатель, демонстрирующий уровень отдачи на вложенный капитал и обратный индикатору капиталоемкости роста [8], рассчитывается как отношение

$$RR_K = t_{GDP}/SR, \quad (12)$$

где t_{GDP} - темпы повышения объемов ВВП, а SR - размеры нормы накопления.

Перейдем к обзору наиболее любопытных особенностей временных рядов объясняющих переменных из конструируемых регрессионных зависимостей, а также содержательных итогов моделирования экономического роста для избранных хозяйственных систем.

Российская Федерация

Темпы роста потребительских расходов населения России на этапе, последовавшем после завершения острой фазы глобальной экономической нестабильности 2008-2009 гг., сократились почти в 3 раза по сравнению с периодом ускоренного роста отечественного народного хозяйства 1999-2007 гг. (рис. 1).

Не вызывает особых сомнений тот факт, что подобное снижение интенсивности процессов расширения важнейшей компоненты внутреннего спроса - конечного потребления - не могло не отразиться на динамике агрегированного выпуска в экономической системе страны.

В рассматриваемый период российские компании направляли на финансовое обеспечение капитальных вложений в среднем лишь 49,7% собственных инвестиционных ресурсов - чистой прибыли и амортизационных отчислений (рис. 2). В этой связи вполне закономерно возникает вопрос о том, каким образом использовалась другая половина корпоративных сбережений. Данный вопрос приобретает особую актуальность в свете того обстоятельства, что отечественная экономика носит хронически капиталододефицитный характер [9].

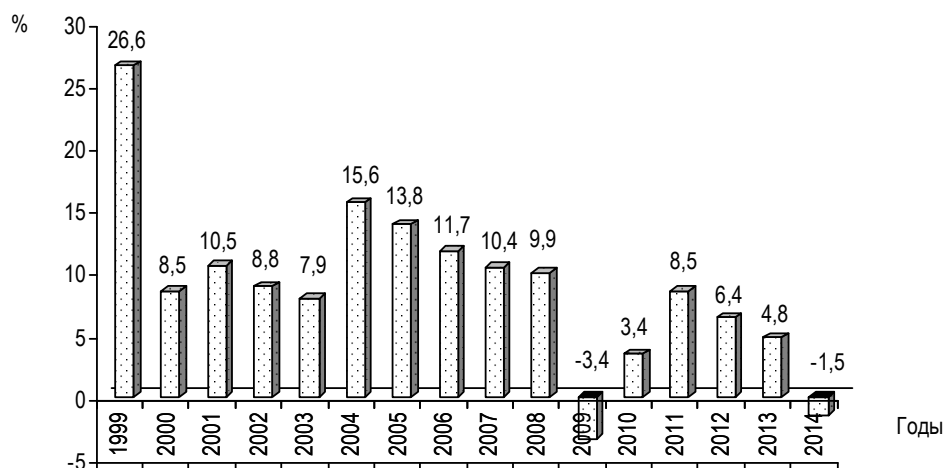

Рис. 1. Темпы роста потребительских расходов населения России

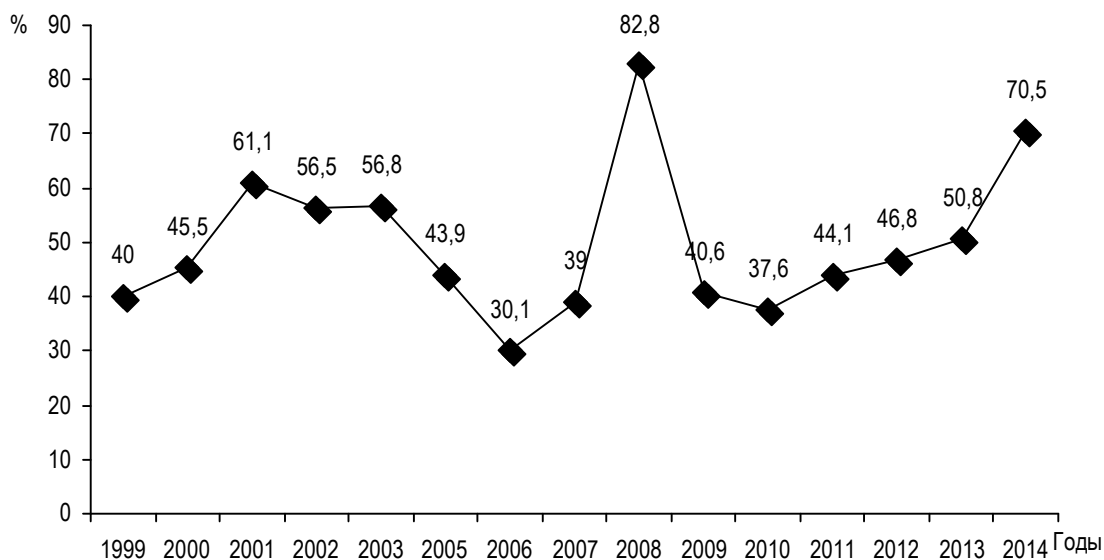

Рис. 2. Норма самофинансирования инвестиционной деятельности в России

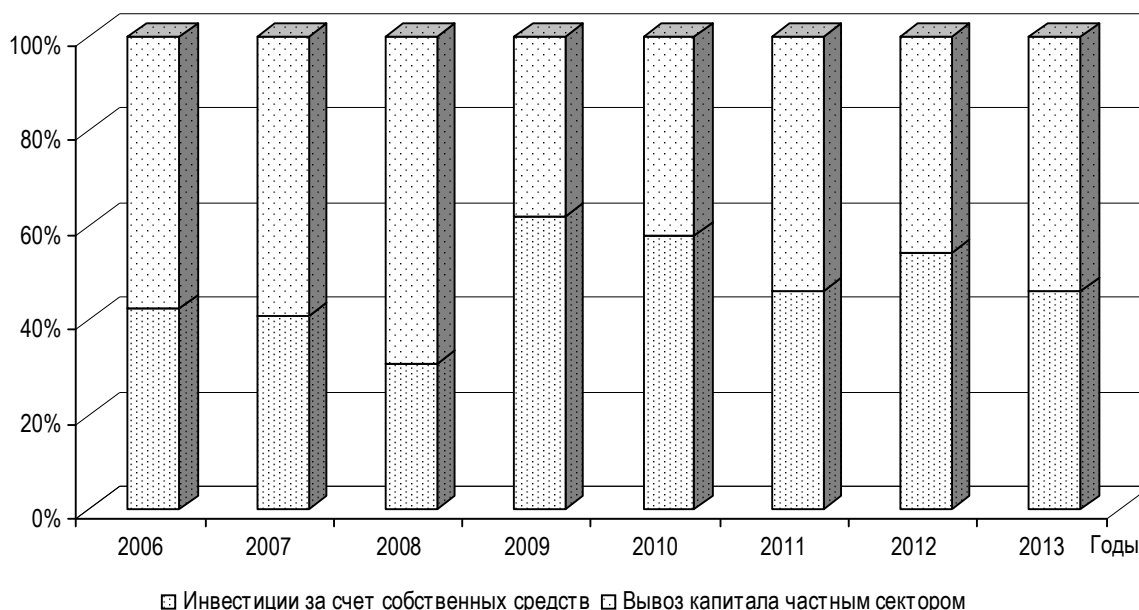

Рис. 3. Сравнительная динамика объемов вывоза капитала частным сектором и инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств предприятий в России

По официальным данным Росстата, совокупные размеры инвестиций в экономической системе страны в настоящее время составляют лишь 68% от того значения данного показателя, что фиксировалось в последний дореформенный 1990 г. [10], и приблизительно совпадают с уровнем 1981 г. Иными словами, период экономических преобразований отбросил национальное хозяйство в инвестиционном отношении более чем на 30 лет назад. Если учесть, что в 1970-е и 1980-е гг. капиталовложения в российской экономике увеличивались примерно в 1,7 и 1,5 раза за 10 лет, значит, накопленные в ней к текущему моменту объемы недоинвестирования, с высокой вероятностью, локализуются в диапазоне от 35 до 56 трлн руб.

Поскольку практически на протяжении всего этапа рыночных трансформаций отечественная экономическая система выступала в роли нетто-кредитора остального мира, логично предположить, что объяснение данного феномена заключается в том, что значительная доля инвестиционных ресурсов страны систематически размещается за ее пределами. В действительности, согласно известным оценкам авторитетных представителей научного сообщества, кумулятивные размеры оттока капитала из национального хозяйства за 25-летний период рыночных реформ превысили 1 трлн долл. США [11].

В свою очередь, сравнительный анализ динамики вывоза капитала частным сектором

и объемов инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств в экономике России (рис. 3), свидетельствует, что ее предприятия примерно поровну распределяют деловые сбережения между двумя сферами применения: между внутренними инвестициями и использованием за рубежом.

Аналогичным образом, сопоставление размеров оттока инвестиционных ресурсов из национального хозяйства и валовых сбережений финансовых и нефинансовых корпораций говорит о том, что свыше половины последних в рассматриваемый период времени использовалось для чистого приобретения иностранных активов (рис. 4).

Иными словами, можно считать доказанным вывод о том, что именно чрезмерный вывоз капитала частным бизнесом за границу предопределяет его низкую инвестиционную активность в экономической системе России и склонность к инвестированию, в том числе за счет собственных средств.

Большинство отечественных ученых сходится во мнении, что существенное превышение процентными ставками по кредитам (в особенности, долгосрочным) уровня рентабельности в реальном секторе всегда являлось одним из ключевых факторов торможения воспроизводственных процессов в экономике нашей страны [11, 12, 13, 14, 15]. В этой связи следует подчеркнуть, что в течение последних 16 лет индекс доступности заемных средств превосходил 100%-ную от-

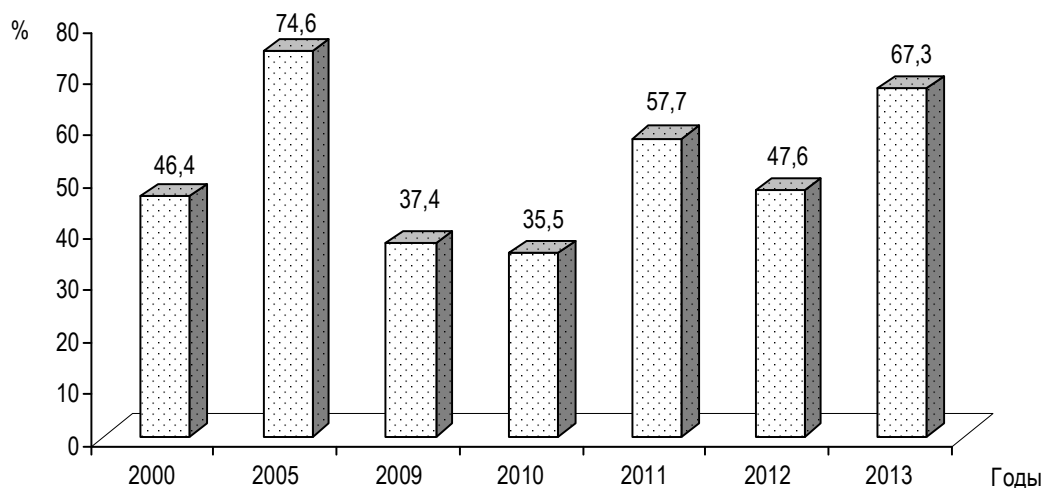

Рис. 4. Удельный вес чистого приобретения зарубежных активов в валовых сбережениях корпоративного сектора в России

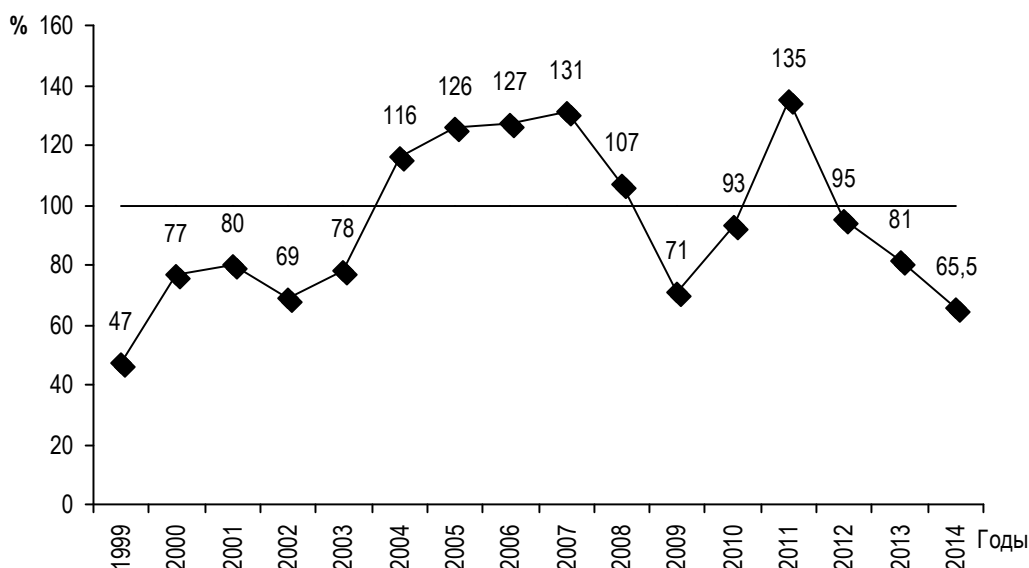

Рис. 5. Индекс доступности кредита в России

метку лишь в 2004-2008 и 2011 гг. (рис. 5), т.е., по существу, именно в те периоды времени, когда народное хозяйство демонстрировало наиболее высокие темпы роста.

Очевидно, что в отраслевом контексте ситуация с доступностью ссудного капитала выглядит еще драматичнее, поскольку России традиционно присущи значительные разрывы в величинах доходности бизнеса между различными кластерами экономической системы. Например, в 2013 г. средневзвешенная стоимость займов, предоставляемых отечественными банками на срок более трех лет нефинансовым организациям в рублях, превышала значение индекса рентабельности продаж во всех видах экономической деятельности, за исключением добычи полезных ископаемых, химической промышленности, а

также рыболовства и рыбоводства. В результате большая часть обрабатывающих производств страны, включая предприятия фондообразующих секторов, оказывается отрезанной от кредитных ресурсов как от источника материального обеспечения не только инвестиционной, но и текущей операционной деятельности [11]. На этом фоне представляется во многом небесспорной позиция отдельных отечественных исследователей, полагающих, что “утверждение о хронически высокой стоимости кредита в российской экономике не подтверждается” [2].

Шоковое повышение процентных ставок по заемным средствам, произошедшее в конце 2014-го - начале 2015 г. из-за радикального ужесточения монетарной политики, естественно, только усугубило подобное поло-

жение вещей, что вкупе с внешними финансовыми ограничениями - с запретом на доступ крупных отечественных компаний к западным рынкам ссудного капитала и ценных бумаг - можно с полной уверенностью охарактеризовать как “двойной удар” по национальной экономике [16]. Сложно не согласиться с мнением М.В. Ершова, отмечаящего, что “вызывает, по меньшей мере, недоумение, когда ужесточение внешней среды сопровождается не смягчением, а ужесточением (!) внутренних подходов регулятора. Введение санкций... лишь подчеркивает абсурдность таких подходов, тем более в их взаимосвязке (когда жесткость одного усиливается жесткостью другого)” [17].

В современный период времени неприемлемо высокая стоимость кредитных ресурсов не только способствует дальнейшему углублению рецессии в народном хозяйстве, но и препятствует реализации потенциала импортозамещения [13], а также создает угрозу макрофинансовой стабильности [18, 19] из-за интенсивного роста сферы неплатежей и засорения балансов банков стрессовыми активами - не обслуживаемыми и не погашаемыми долгами конечных заемщиков. Несмотря на расширение спроса на отечественные товары и услуги, вызванное улучшением их ценовой конкурентоспособности в результате глубокой девальвации рубля, возможности дозагрузки производственного аппарата в промышленности страны в целях наращивания объемов выпуска импортозамещающей продукции крайне ограничены. Главная проблема здесь заключается в том, что в структуре производственной базы высока доля физически полностью изношенного и морально устаревшего оборудования, перспективы вовлечения которого в хозяйственный оборот выглядят весьма неопределенно. Конечно же, виной тому состояние перманентного недоинвестирования, присущее российской экономике, в рамках которого неизбежны обветшание и деградация ее производственного потенциала. Тем не менее, некоторый резерв свободных промышленных мощностей в ряде отраслей, безусловно, существует, однако их использование в производственном процессе без предварительных инвестиций в ремонт, обновление и техническое совершенствование вряд ли возможно [20].

Понятно, что недоступность ссудного капитала, как одного из ключевых источников фондирования таких вложений, с большой вероятностью поставит крест на реализации стратегии импортозамещения. Вполне созвучен данному тезису и вывод О. Березинской, констатирующей, что “при... сохранении инерционного сценария кредитования... шанс, предоставляемый отечественной экономике “окном возможностей”, может быть упущен” [21].

Согласно расчетам специалистов ЦМАКП, из-за кардинального удорожания заемных средств, повлекшего существенное увеличение издержек, связанных с обслуживанием накопленных обязательств перед банками, в группу риска по вероятности банкротства и неплатежеспособности ныне попадает около 30% компаний России (против 20% в 2014 г.) [19]. Так что избыточно рестриктивный монетарный режим способен запустить “цепочку”, “волну” корпоративных дефолтов, которая приведет к лавинообразному накоплению просроченной задолженности и тотальному ухудшению качества кредитных портфелей финансовых учреждений. Если объем этих “токсичных” активов превзойдет пороговую, критическую отметку (что может произойти уже в первой половине текущего года [15]), в банковском секторе разразится всеобъемлющий системный кризис, чреватый полной утратой макрофинансовой стабильности.

Широко распространено убеждение, что инвестиционная пауза (перешедшая в 2014 и 2015 гг. в полноценный инвестиционный спад), явившаяся главной эндогенной причиной угасания экономической динамики в нашей стране, была спровоцирована самим государством [22, 23], резко сократившим капитальные затраты бюджетов всех уровней, а также инвестиционные программы корпораций со значительным государственным участием.

Перемены на отечественном инвестиционном рынке, приведшие к снижению роли одного из его важнейших игроков - государства, были во многом вызваны завершением активной фазы реализации общенациональных проектов, связанных с подготовкой и организацией масштабных международных мероприятий спортивного и общественно-просветительского характера.

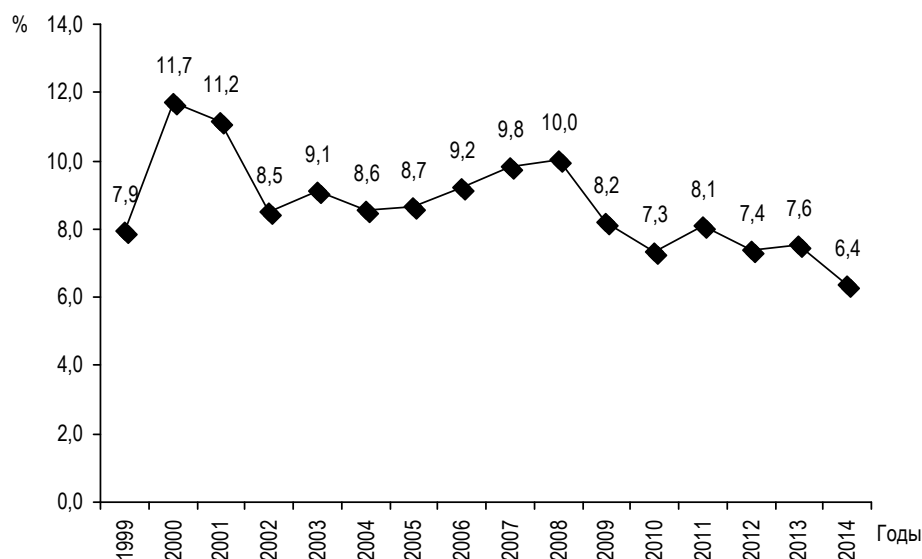

Рис. 6. Государственное инвестирование в России

Судя по диаграмме, представленной на рис. 6, данная точка зрения, бесспорно, имеет некоторое право на существование - во всяком случае, инвестиционная составляющая расходов консолидированного бюджета России в посткризисный период 2010-2014 гг. сократилась почти на 30% в относительном выражении по сравнению со стадией форсированного роста 2000-х гг. Между тем даже в реалиях формирующегося рынка решающую долю ответственности за сжатие инвестиционной сферы несет частный бизнес страны, который, как уже отмечалось ранее, предпочитал размещать большую часть собственных инвестиционных ресурсов за ее пределами, фактически укрепляя экономические позиции государств-конкурентов [10], что вы-

глядит особенно вызывающе в свете неослабевающей геополитической напряженности последних лет. При этом следует иметь в виду, что, по некоторым оценкам, если бы все общественные сбережения, аккумулируемые отечественной экономикой, конвертировались во внутренние инвестиции, она бы вновь могла претендовать на лидирующие позиции по темпам роста производства в глобальном контексте [24].

По всей видимости, прямые иностранные инвестиции никогда не имели определяющего значения для процессов капиталообразования в России, собственно, их удельный вес в структуре национального накопления на изучаемом временном интервале в среднем составлял всего несколько более 8% (рис. 7).

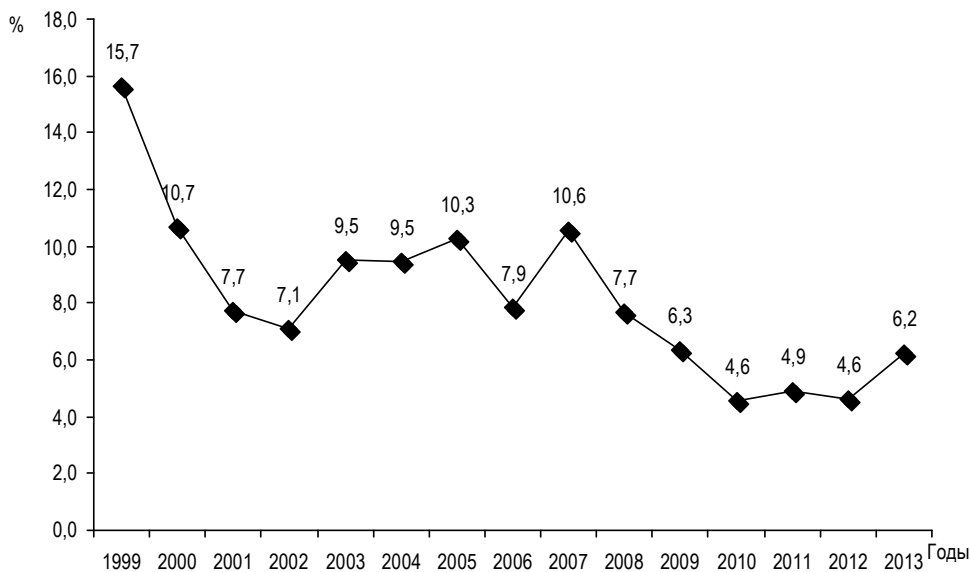

Рис. 7. Доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений в России

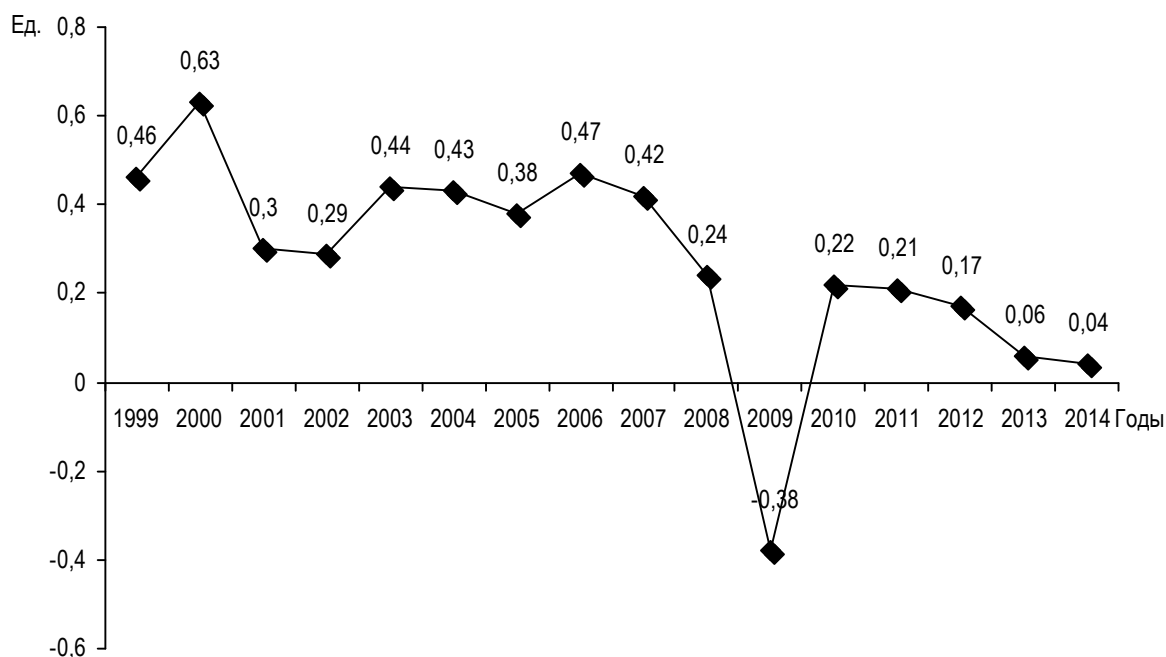

Рис. 8. Макроэкономическая эффективность инвестиционных процессов в России

Нужно сказать, что подобная особенность, в известном смысле, роднит хозяйственную систему нашей страны с другими крупными экономиками с формирующимися или развивающимися рынками, например, Китаем и Индией, где доля ПИИ в общем объеме капиталовложений равнялась 6% и 7-10%, соответственно [25]. По существу, эти два ведущих «восходящих» государства являются наиболее последовательными сторонниками парадигмы «self reliance» (опоры на собственные силы) [9], сальдированное выражение смысла которой применительно к инвестиционной сфере гласит о том, что только внутренние инвестиции - частные или государственные - могут служить надежным источником долгосрочного экономического роста [26]. Осознание истинности этого простого и продиктованного здравым смыслом идейного концепта приходит и к высшему политическому руководству России. Во всяком случае, Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев в своей статье, опубликованной на страницах журнала «Вопросы экономики» в 2015 г., подчеркивал, что «важнейший источник инвестиций - внутренние сбережения... поэтому иностранные инвестиции следует оценивать далеко не только с точки зрения привлеченных денежных ресурсов... еще более важны технологии и ноу-хау» [27].

Хорошо различимая на протяжении последних лет тенденция к снижению макроэко-

номической продуктивности капитальных вложений в отечественном народном хозяйстве (рис. 8), по крайней мере, отчасти объясняется концентрацией весомой доли национального накопления в масштабных имиджевых проектах непроизводственного типа (подобных зимней Олимпиаде 2014 г. или Универсиаде 2013 г.), влияние которых на динамику выпуска ограничивается преимущественно периодом их подготовки и проведения [28].

Итоги моделирования

Менее выраженное, чем это предполагалось изначально, влияние темпов увеличения потребительских расходов населения на интенсивность воспроизводственных процессов легко объясняется тем обстоятельством, что конечный спрос в российской экономике во многом (на 40-50% [13, 29]) удовлетворяется за счет товаров и услуг импортного производства. Иначе говоря, позитивные эффекты расширения покупательской способности граждан в значительной мере поглощаются, абсорбируются, улавливаются не национальным хозяйством, а его внешнеторговыми партнерами [30].

Среди всех переменных инвестиционно-го блока наиболее чутко экономическая динамика реагирует на повышение инвестиционной активности государства (табл. 1). По-видимому, данный результат необходимо расценить как практическую верификацию ги-

Уравнение множественной регрессии и влияние макропараметров деловой среды на экономическую динамику

$t_{GDP} = -1,01 + 0,078 \cdot t_{ce} + 0,147 \cdot N \cdot RR_K + 0,087 \cdot i_c \cdot RR_K + 0,48 \cdot N_S \cdot RR_K - 0,194 \cdot i_f \cdot RR_K,$ $R^2 = 0,969$					
	Темпы роста расходов на конечное потребление домохозяйств (+ 1 п.п.)	Норма самофинансирования инвестиционной деятельности (+ 10 п.п.)	Индекс доступности кредита (+ 10 п.п.)	Склонность государства к инвестированию (+ 10 п.п.)	Доля ПИИ в национальном накоплении (+10 п.п.)
Изменение темпов роста ВВП, п.п.	0,078	0,425	0,251	1,387	-0,561

потезы о том, что если в зрелых рыночных экономиках государство может ограничиваться ролью регулятора процессов накопления, то в хозяйственных системах развивающегося или переходного типа оно само должно исполнять роль одного из ключевых инвесторов [26, 31, 32], компенсируя дефицит частного капитала, возникающий из-за фрагментарности ресурсной базы, а также по причине краткосрочных предпочтений и горизонтов планирования бизнеса.

Что касается других показателей инвестиционного пула, то и повышение нормы самофинансирования инвестиционной деятельности и величины индекса доступности заемных средств (что вполне предсказуемо) способствует ускорению экономического роста в России (см. табл. 1). Таким образом, важнейшим целевым ориентиром государственной инвестиционной политики страны следует считать создание сопоставимых условий для ведения бизнеса путем формирования полноценных внутренних источников кредитных ресурсов, стоимость, объемы и сроки привлечения которых должны быть сравнимы с аналогичными параметрами западных рынков ссудного капитала. Любопытный пример в данной связи приводит В.К. Фальцман: совместная российско-канадская компания по выпуску тракторов и другой спецтехники при поиске площадки для локализации производства проводила сравнительный анализ операционных затрат, возникающих в рамках различных вариантов размещения, и в конечном итоге остановила свой выбор на территории североамериканского государства. Оказывается, что отечественное народное хозяйство является более привлекательным лишь по одной категории производственных издержек - по оплате труда наем-

ных работников. Однако данное преимущество полностью нивелируется значительными расходами на обслуживание банковских займов, ставки по которым в нашей странекратно выше (11,75% против 2,3%, по данным за 2012 г.) [33]. Очевидно, что ни о каких сопоставимых условиях для осуществления предпринимательской деятельности в рассматриваемой ситуации не может идти и речи.

В сложившихся обстоятельствах важно помнить о том, что именно условия кредитования реального сектора экономики становятся главным орудием глобальной конкурентной борьбы в реалиях членства во Всемирной торговой организации, жестко лимитирующей применение тех или иных инструментов поддержки национальных производителей [16, 34].

Достижение подобной цели должно обеспечиваться посредством кардинального наращивания операций целевого (связанного, обусловленного) рефинансирования банковской системы [11, 13, 16], зачастую именуемого в практике зарубежной монетарной политики "направленным смягчением". Проще говоря, их суть заключается в том, что денежные власти предоставляют эмитируемые средства под низкий процент и на длительный срок финансовым посредникам, налагая обязательства по их использованию исключительно для целей кредитования на льготных, комфортных условиях тех предприятий, которые реализуют инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики. Параллельное ужесточение норм пруденциального надзора и валютного регулирования исключает возможность перетока ликвидности на потребительский и финансовые рынки, что предотвращает угрозы эскалации инфляционных процессов.

Разумеется, интенсивное внедрение операций целевого рефинансирования в России

должно сопровождаться развертыванием широкого спектра рыночных и административных мер по избирательному контролю за конверсионными, валютно-обменными сделками и трансграничными операциями с капиталом [11, 16]. Чрезмерный вывоз последнего частным сектором в иностранные (по большей части в офшорные) юрисдикции, помимо общей дестабилизации валютного рынка, подрывает инвестиционный базис отечественной экономики и ресурсные основы национального накопления [10, 35], тормозит расширение производственных возможностей хозяйственной системы, а следовательно, угнетает долгосрочный экономический рост.

Только такие шаги, а не заведомо бесперспективная борьба с эфемерными “провалами государства”, материализующимися в якобы избыточных административных барьерах, затрудняющих гармоничное развитие предпринимательской деятельности, позволят добиться существенных успехов на поприще повышения инвестиционной привлекательности нашей страны.

Пожалуй, наиболее неожиданным результатом моделирования видится тот факт, что коэффициент регрессии при объясняющей переменной, отражающей степень вовлеченности прямых иностранных инвестиций в процессы капиталообразования в народном хозяйстве России, имеет отрицательный знак (см. табл. 1). По существу, это означает, что увеличение доли ПИИ в общем объеме инвестиций в отечественной экономической системе оборачивается замедлением динамики агрегированного выпуска.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность данного вывода, в свете традиционных представлений о позитивной роли прямых зарубежных капиталовложений в социально-экономическом развитии и при более тщательном анализе становится понятным, что ничего неожиданного здесь, по большому счету, нет. Как отмечает В.В. Попов, прямые иностранные инвестиции обычно включают в число факторов роста, но Япония в 1960-1970-е гг., Южная Корея в 1970-1980-е и Китай в 1990-е гг. росли, не привлекая значительных объемов ПИИ [36]. В этой связи достаточно вспомнить о том, что из-за нелегитимности прав крупной частной собственности [37, 38, 39] Россия вовлечена в круго-

оборот собственных инвестиционных ресурсов с так называемой “параллельной”, “второй” экономикой [10, 35, 39], распределенной преимущественно между офшорными и офшоропроводящими (спарринг-офшорными) юрисдикциями. В результате большая часть (по разным оценкам, от 50 [24] до 85% [11]) иностранных инвестиций, поступающих в национальное хозяйство, носит псевдозарубежный характер и представляет собой репатриацию деловых сбережений, ранее выведенных вполне легальным образом или с использованием сомнительных операций (“притворных”, фиктивных сделок) за его пределы.

Другими словами, повышение значений обсуждаемой объясняющей переменной сигнализирует, фигурально выражаясь, лишь о все более интенсивном раскручивании данной “карусели”, а отнюдь не об усилении роли на отечественном инвестиционном рынке предприятий-нерезидентов, в самом деле зачастую являющихся носителями новых знаний и технологий, продуктовых, процессных, организационных и управленческих инноваций. Абсолютно очевидно, что активизация кругооборота капитала с низконалоговыми, нетранспарентными юрисдикциями в принципе не способна придать дополнительный импульс экономической динамике в России, и это обстоятельство нашло свое подтверждение в рамках построенной модели.

Республика Татарстан

Ситуация с потребительскими расходами населения в народном хозяйстве республики была во многом аналогична той, что складывалась в отечественной экономике в целом: темпы их увеличения в последние годы сократились более чем в 2 раза по сравнению с периодом опережающего роста 2000-х гг. (рис. 9). Как и ранее, мы вынуждены констатировать, что произошедшие изменения не могли не оказывать понижающее давление на воспроизводственные процессы в экономической системе данного субъекта Российской Федерации, вероятно, способствуя возникновению и последующему расширению отрицательного “разрыва” выпуска.

Создается впечатление, что предприятия республики склонны направлять на материальное обеспечение капиталовложений ощутимо большую долю чистой прибыли и амортизационных отчислений (рис. 10), чем рос-

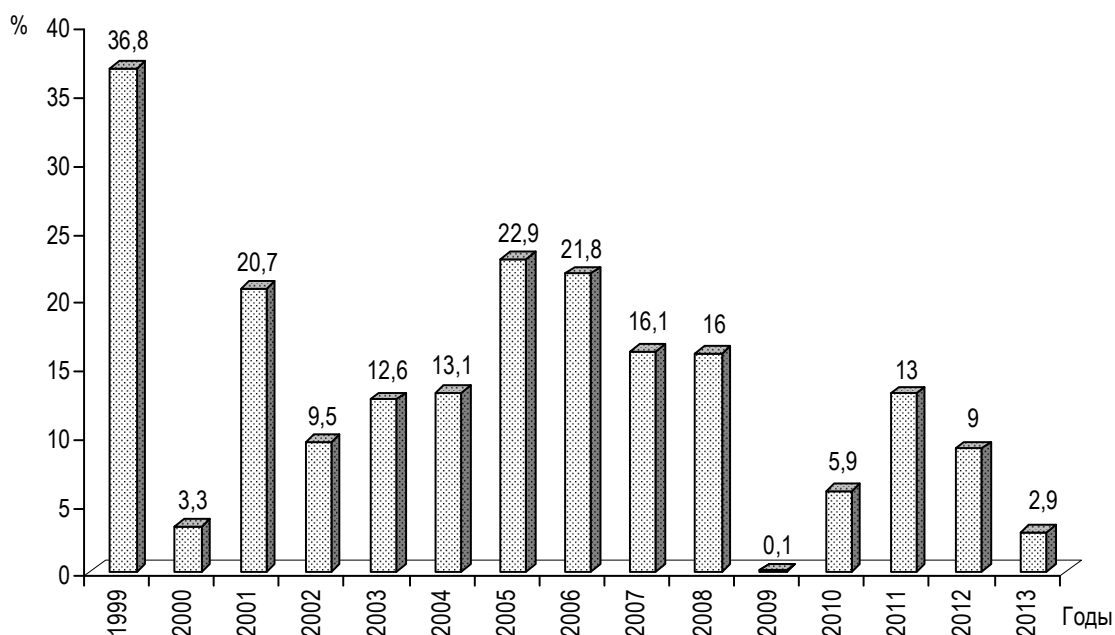

Рис. 9. Темпы роста потребительских расходов населения в Республике Татарстан

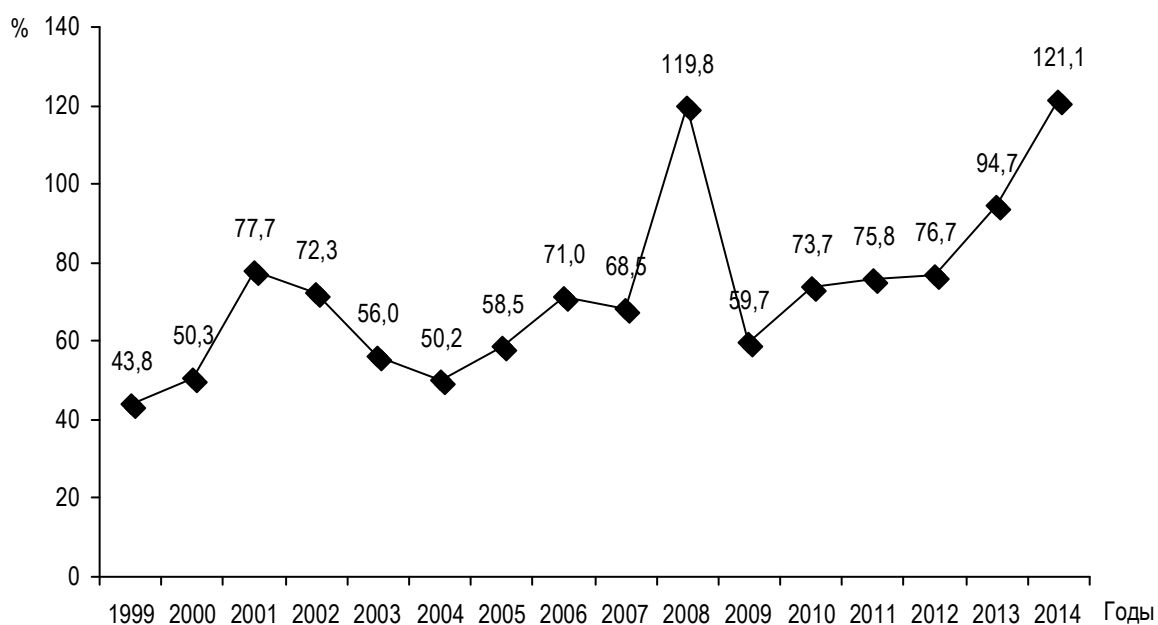

Рис. 10. Норма самофинансирования инвестиционной деятельности в Республике Татарстан

сийские компании в среднем (73,1% против 49,7% в общем по стране). Думается, что подобное отличие является итогом материализации, овеществления в инвестиционной сфере одного из ключевых конкурентных преимуществ Татарстана - мощного административного потенциала его высшего политического руководства. Применяя этот потенциал, власть более эффективно принуждает бизнес к размещению деловых сбережений в народном хозяйстве региона.

Принимая во внимание российскую специфику использования экономическими аген-

тами собственных инвестиционных ресурсов, описанную выше, можно утверждать, что властным институтам республики также удается более успешно противодействовать стремлению частного сектора к вывозу капитала за рубеж, хотя, конечно, как будет показано впоследствии, данная проблема в той или иной мере присуща и экономике Татарстана.

Ранее подчеркивалось, что условия привлечения заемных средств в экономической системе страны из-за чрезмерно жесткой монетарной политики следует характеризовать как крайне неудовлетворительные. К

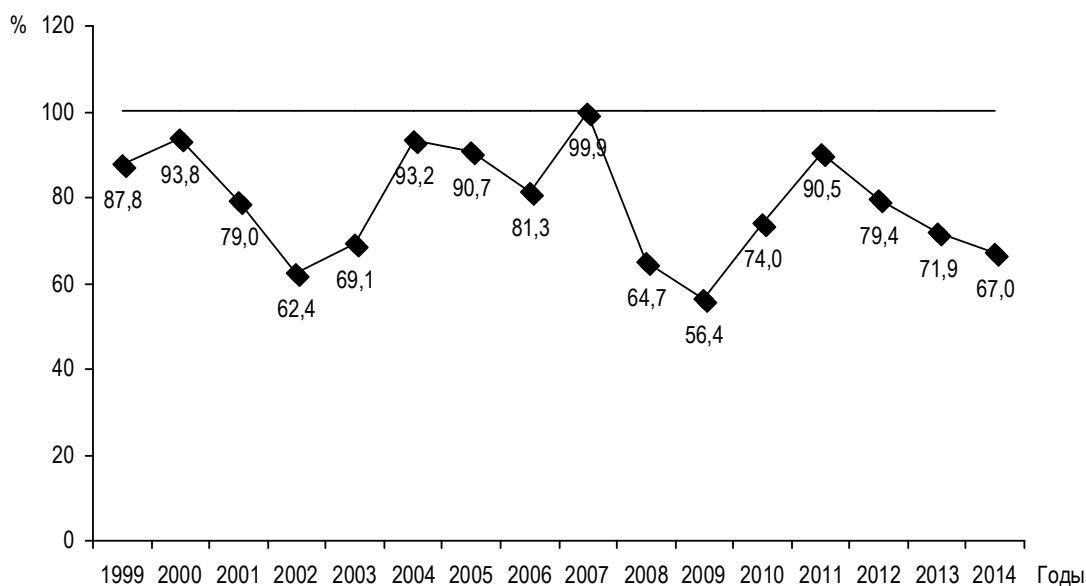

Рис. 11. Индекс доступности кредита в Республике Татарстан

сожалению, в народном хозяйстве региона ситуация в этом контексте складывается еще более тревожным образом: собственно, значение индекса доступности кредита в экономике Татарстана на анализируемом временном интервале никогда не достигало 100%-ной отметки (рис. 11).

Важно отметить, что субнациональные экономические власти не обладают никакими рычагами и механизмами для кардинального улучшения существующего положения вещей, поскольку денежно-кредитная политика является исключительной прерогативой федерального центра, точнее, монетарного регулятора,

располагающего операционной независимостью даже от Правительства России.

Судя по графику, изображенному на рис. 12, инвестиционная функция казны Татарстана выражена в гораздо большей степени, чем у системы государственных финансов страны в целом. Для подтверждения данного вывода достаточно заметить, что доля капитальных затрат в структуре ассигнований консолидированного бюджета республики в рассматриваемый период времени составляла в среднем 16,2%, т.е. почти в 2 раза превосходила величину аналогичного индикатора (8,7%) государственных расходов, осуществ-

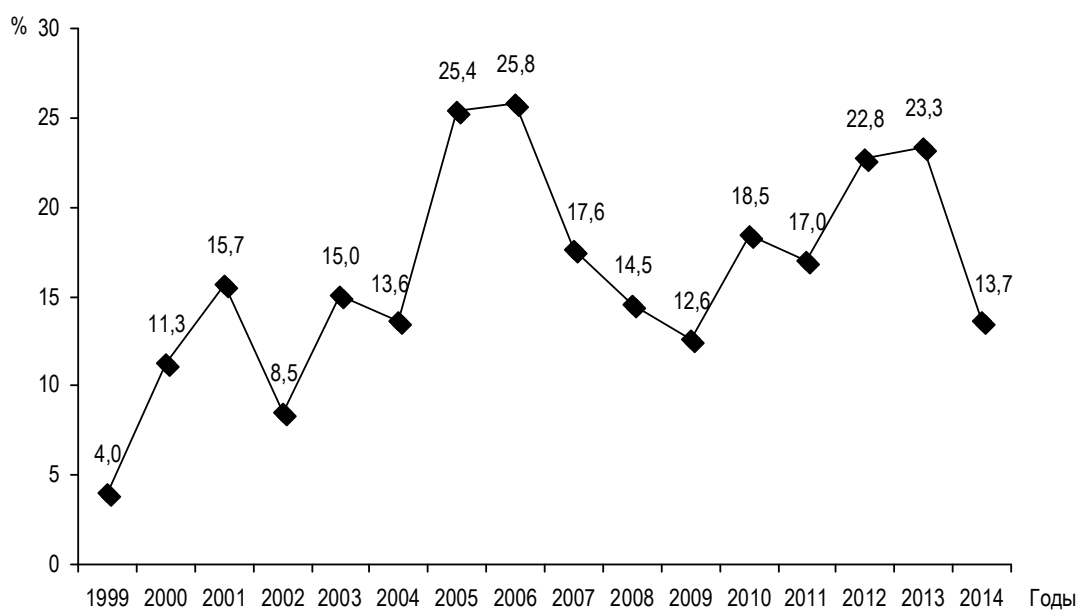

Рис. 12. Инвестиционная активность Татарстана

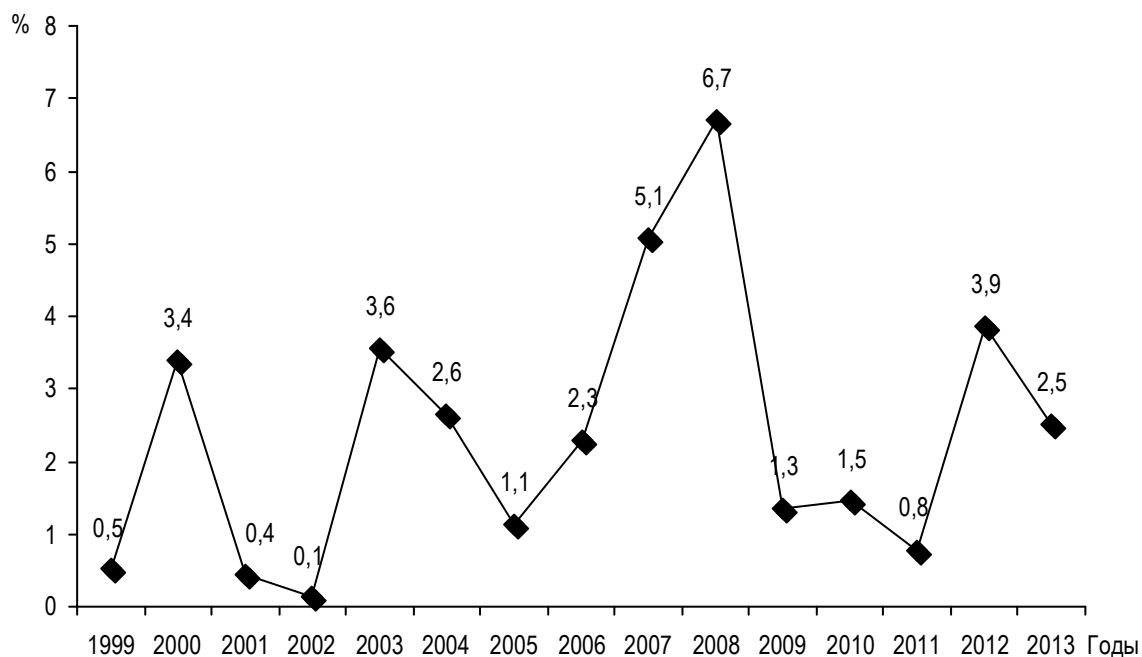

Рис. 13. Доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений в Республике Татарстан

лявшихся в отечественной экономике в целом. По вполне объяснимым причинам пики инвестиционной активности государства в нашем регионе тесно коррелировались со стадиями подготовки и реализации инфраструктурных мегапроектов, таких как, например, празднование тысячелетнего юбилея города Казани, а также проведение Всемирной летней Универсиады 2013 г. и Чемпионата мира по водным видам спорта 2015 г.

Как и в случае со всей экономической системой России, прямые иностранные инвестиции не играют определяющей роли в процессах капиталобразования в народном хозяйстве Республики Татарстан (рис. 13).

Более того, удельный вес Татарстана в притоке ПИИ в отечественную экономику оказывался стабильно ниже (примерно в 2,2 раза, по данным за 2003-2013 гг.) его доли в валовом внутреннем продукте страны. Иначе говоря, несмотря на наличие многих элементов инфраструктуры привлечения иностранных инвесторов (в частности, особых экономических зон промышленно-производственного и технико-внедренческого типа), в данный регион традиционно поступают меньшие объемы прямых зарубежных капиталовложений, чем это даже позволяют относительные размеры его хозяйственной системы.

С позиции известных методических подходов наднациональных организаций, в ман-

дат которых входит наблюдение за характерными особенностями и тенденциями развития международного инвестиционного сотрудничества (ЮНКТАД), данный факт формально означает, что экономика Республики Татарстан страдает от плохого инвестиционного климата.

Вместе с тем, вряд ли можно утверждать, что в плане инвестиционной привлекательности народного хозяйства позиции Татарстана выглядят особо уязвимыми на фоне многих других субъектов Российской Федерации. Общеизвестно, что для компаний-нерезидентов главным мотивом инвестирования в экономическую систему нашей страны служит не минимизация производственных издержек или доступ к уникальным компетенциям, а проникновение на емкие, перспективные рынки сбыта и стремление к участию в освоении обширной минерально-сырьевой базы [40, 41]. Как следствие, около 70% притока ПИИ в российскую экономику в 2013 г. локализовалось в столичных регионах - в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях и трех откровенно ресурсно-избыточных субъектах - Тюменской и Сахалинской областях, а также в Приморском крае.

Что касается оставшейся доли прямых зарубежных капиталовложений, то она более или менее равномерно "размазывалась

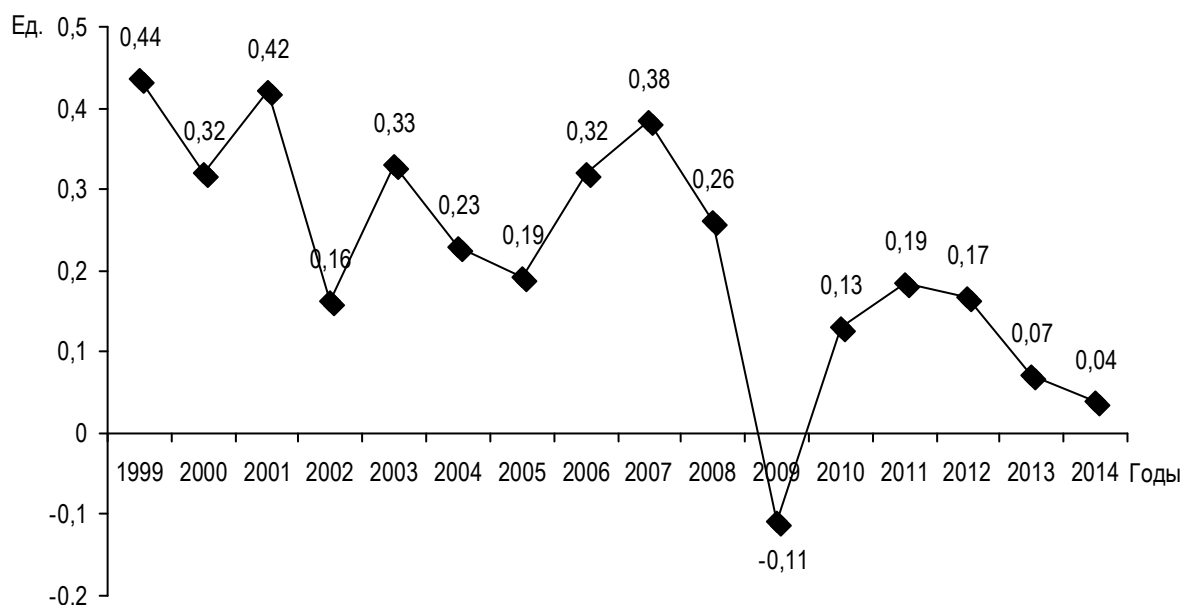

Рис. 14. Макроэкономическая эффективность инвестиционных процессов в Республике Татарстан

тончайшим слоем” по территории других частей страны [42], так что в этом смысле ситуацию с инвестиционным климатом в Республике Татарстан нельзя считать уникальной и излишне драматизировать.

Глядя на рис. 14, легко убедиться в том, что в народном хозяйстве Татарстана фиксируется осязаемое снижение макроэкономической эффективности инвестиций, причем в последние годы этот негатив приобрел ярко выраженный характер. Заметим, что на фоне повышения нормы накопления до уровня стран, успешно реализующих или реализовавших национальные модернизационные

проекты (современная Индия, Япония 1960-1980-х гг., Южная Корея 1980-2000-х гг., Сингапур 1970-1990-х гг. и т.д. [11]), происходит отчетливое замедление динамики выпуска в экономической системе Республики Татарстан (рис. 15), перешедшее к настоящему моменту в полноценную стагнацию или даже рецессию.

Бесспорно, подобные дисбалансы еще нельзя трактовать как верные признаки (маркеры) близости к полному исчерпанию так называемой инвестиционной модели роста, опирающейся на опережающее увеличение затрат капитала по сравнению с другими фак-

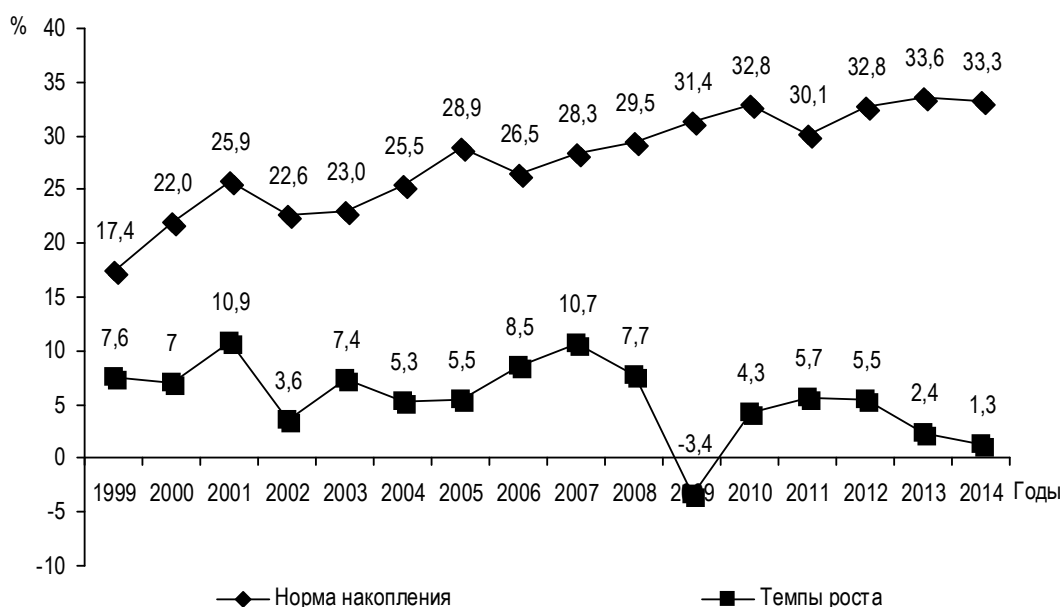

Рис. 15. Норма накопления и темпы экономического роста в Республике Татарстан

торами производства. Наглядным примером успешного использования такой модели служит народное хозяйство КНР [43], рост которого со средними темпами 9,9% в течение тридцатилетнего периода рыночных трансформаций, согласно расчетам Института экономики РАН, на 70% обеспечивался благодаря накоплению капитала [44]. Более того, аналогичная парадигма, по всей видимости, должна быть “несущей конструкцией” любой стратегии догоняющего развития, поскольку применение капиталоемких технологий гарантирует повышение фондовооруженности рабочей силы, а также широкомасштабные заимствования современных достижений научно-технического прогресса, материализующихся в средствах производства, что необходимо для опережающего увеличения производительности труда, душевого ВВП и, следовательно, для компенсации отставания от уровня передовых стран [1, 45].

Поспешность и опрометчивость вывода о прекращении действия прежней модели инвестирования становятся очевидными в свете того обстоятельства, что объемы инвестиций в экономике Татарстана в настоящий момент по-прежнему ниже уровня 1990 г. примерно на 10%. Другими словами, народное хозяйство региона продолжает носить капиталоемкий характер, как и экономическая система страны в целом, несмотря на масштабные вложения, направляемые на расширение, реконструкцию и технологическое перевооружение производственной базы, а также на развитие общественной инфраструктуры рассматриваемого субъекта Российской Федерации.

Тем не менее, на повестку выходит задача корректировки сложившейся в Татарстане

модели инвестиционной деятельности и ее точной настройки посредством перераспределения инвестиционных ресурсов в более производительные сферы хозяйственных отношений, нежели проведение масштабных культурно-исторических и спортивных мероприятий.

Итоги моделирования

Результаты моделирования экономического роста в Татарстане во многом схожи с теми, что были получены для России в целом, так что в отдельных комментариях и пояснениях, по всей видимости, нуждаются лишь некоторые, наиболее примечательные и неожиданные из них.

Коэффициенты регрессии при всех параметрах инвестиционного набора объясняющих переменных имеют положительный знак (за исключением доли ПИИ в структуре национального накопления), при этом наиболее активный отклик экономическая динамика формирует именно на расширение инвестиционной составляющей государственных расходов (табл. 2).

Особого внимания заслуживает тот факт, что улучшение условий доступа к кредитным средствам вносит несколько более весомый вклад в интенсификацию воспроизводственных процессов в народном хозяйстве Татарстана, нежели в среднем по стране. Вероятнее всего, подобная закономерность детерминирована тем обстоятельством, что проблема дороговизны ссудного капитала (в особенности, “длинных денег”) по сравнению с уровнем рентабельности в реальном секторе ощущается еще острее в хозяйственной системе данного региона, чем в отечественной экономике в целом. Напротив, увеличение

Таблица 2

Уравнение множественной регрессии и влияние макропараметров деловой среды на экономическую динамику

$t_{GDP} = 0,044 - 0,022 \cdot t_{ce} + 0,166 \cdot N \cdot RR_K + 0,121 \cdot i_c \cdot RR_K + 0,353 \cdot N_S \cdot RR_K - 0,196 \cdot i_f \cdot RR_K,$ $R^2 = 0,977$					
	Темпы роста расходов на конечное потребление домохозяйств (+ 1 п.п.)	Норма самофинансирования инвестиционной деятельности (+ 10 п.п.)	Индекс доступности кредита (+ 10 п.п.)	Склонность государства к инвестированию (+ 10 п.п.)	Доля ПИИ в национальном накоплении (+10 п.п.)
Изменение темпов роста ВВП, п.п.	-0,022	0,388	0,283	0,826	-0,459

нормы самофинансирования инвестиционной деятельности при прочих равных условиях придает меньшее “ускорение” динамике ВРП Татарстана, чем агрегированному выпуску в масштабах всей России. Это также абсолютно ожидаемо, если вспомнить, что корпоративные сбережения и так гораздо более полно вовлекаются в инвестиционную сферу Татарстана, нежели в общем по стране.

Таким образом, можно утверждать, что в построенных моделях овециствляется фундаментальный принцип убывающей предельной отдачи, гласящий о том, что взнос в конечный продукт каждой последующей единицы фактора производства, находящегося в относительном изобилии, неизбежно сокращается при дальнейшем повышении затрат.

Повышение значения переменной, отражающей степень интеграции прямых зарубежных инвестиций в региональное накопление, приводит к смещению народного хозяйства исследуемого субъекта Российской Федерации на более низкую траекторию роста (см. табл. 2). Как и в случае с отечественной экономикой в целом, мы склонны усматривать объяснение данного феномена в том специфическом месте, которое занимает Татарстан в конфигурации международного движения капитала.

Для подтверждения данного вывода достаточно, например, заметить, что в совокупных размерах иностранных инвестиций, поступивших в экономическую систему Татарстана в 2006, 2007, 2008 и 2009 гг., на долю Швейцарии, Люксембурга и Нидерландов приходилось 67,6, 63,9, 47,5 и 59,8%, соответственно. Что же касается вложений, направленных республиканскими компаниями за рубеж, отметим, что 64,3% их накопленного на 1 января 2014 г. объема сосредотачивалось на Кипре и в Швейцарии.

Другими словами, стратегия интеграции народного хозяйства региона в глобальное финансовое пространство на практике, к сожалению, также обернулось налаживанием кругооборота капитала с офшорными и офшоропроводящими юрисдикциями. Разумеется, не существует рациональных оснований полагать, что активизация этого “вихря”, сопровождающаяся формальным увеличением доли прямых иностранных инвестиций в субнациональном накоплении, способна высту-

пить дополнительным катализатором экономического роста.

Пожалуй, наименее очевидным итогом конструирования мультирегрессионной зависимости динамики валового регионального продукта Татарстана от широкого спектра факторов циклического и структурного свойства, не находящим никакой разумной интерпретации в рамках избранной парадигмы моделирования, является отрицательное значение коэффициента при темпах увеличения потребительских расходов населения (см. табл. 2). По существу, подобный результат говорит о том, что активизация процессов расширения конечного спроса в народном хозяйстве Республики Татарстан приводит к торможению агрегированного выпуска, что противоречит логике рыночных механизмов экономической деятельности и, возможно, позволяет поднять вопрос о репрезентативности официальной статистической информации о затратах на конечное потребление домохозяйств.

1. *Клинов В.* Великая перестройка мировой экономики (О книге А. А. Акаева “От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции”) // Вопросы экономики. 2015. № 11.

2. *Горюнов Е., Дробышевский С., Трунин П.* Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. 2015. № 4.

3. *Капелюшников Р.* Идея “вековой стагнации”: три версии // Вопросы экономики. 2015 № 5.

4. *Summers L.H.* Reflections on the “New secular stagnation hypothesis”. // С. Teulings, R. Baldwin (eds.). Secular stagnation: Facts, causes, and cures. London : CEPR Press, 2015.

5. Состоится ли новая модель экономического роста в России / Е. Ясин [и др.] // Вопросы экономики. 2013. № 5.

6. *Попов В.* Глобальные дисбалансы - нетрадиционная трактовка // Вопросы экономики. 2013. № 1.

7. *Березинская О., Ведев А.* Инвестиционный процесс в российской экономике: потенциал и направления активизации // Вопросы экономики. 2014. № 4.

8. *Салицкий А., Тацкий В.* Китай в новой структуре мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11.

9. *Симонов В.* Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики // Вопросы экономики. 2015. № 2.

10. *Квашнина И., Оболенский В.* Ввоз и вывоз капитала: эффекты для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1.

11. *Глазьев С.Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития : доклад / Ин-т экономических стратегий, Рус. Биограф. ин-т. М., 2015.
12. *Замараев Б., Киюцевская А.* Российская экономика в контексте мировых трендов // Вопросы экономики. 2015. № 2.
13. *Глазьев С.* О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9.
14. *Мионов В.* Российская девальвация 2014-2015 гг.: падение в пропасть или окно возможностей? // Вопросы экономики. 2015. № 12.
15. *Андрюшин С.* Аргументы в пользу управления обменным курсом рубля // Вопросы экономики. 2015. № 12.
16. *Глазьев С.* Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9.
17. *Ершов М.* Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций? // Вопросы экономики. 2014. № 12.
18. О фундаментальных недостатках современной денежно-кредитной политики / А. Апокин [и др.] // Вопросы экономики. 2014. № 12.
19. Денежно-кредитная политика: работа над ошибками / А. Апокин [и др.] // Вопросы экономики. 2015. № 9.
20. *Замараев Б., Маршова Т.* Производственные мощности российской промышленности: потенциал импортозамещения и экономического роста // Вопросы экономики. 2015. № 6.
21. *Березинская О.* Кредитование нефинансового сектора российской экономики: возможности и ограничения // Вопросы экономики. 2016. № 3.
22. *Замараев Б., Назарова А., Суханов Е.* Финансовые ограничения вслед за инвестиционной паузой // Вопросы экономики. 2014. № 10.
23. *Аганбегян А.* Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2015. № 7.
24. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12.
25. *Булатов А.* Россия в международном движении капитала: сравнительный анализ // Вопросы экономики. 2011. № 8.
26. 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014.
27. *Медведев Д.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.
28. *Warner A.* Public Investment as an Engine of Growth // IMF Working Paper. No WP/14/148.
29. Растущая российская экономика на фоне растущей внешней напряженности И. Борисова [и др.] // Вопросы экономики. 2012. № 6.
30. *Буклемишев О.* Фискальное стимулирование и российские бюджетные фонды // Вопросы экономики. 2013. № 12.
31. *Стиглиц Дж.* О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса : докл. Комиссии фин. экспертов ООН. М. : Междунар. отношения, 2010.
32. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М. : Эксмо, 2011.
33. *Фальцман В.* Диверсификация российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 5.
34. *Ершов М.* Пять лет после масштабной фазы кризиса: насколько стабильна ситуация? // Вопросы экономики. 2013. № 12.
35. *Булатов А.* Офшорная деятельность российских резидентов (О книгах “Офшорный бизнес во внешнеэкономической деятельности”, “Отток капитала из России: проблемы и решения” и “Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы”) // Вопросы экономики. 2015. № 2.
36. *Попов В.* В поисках новых источников роста. Догоняют ли развивающиеся страны развитие? // Вопросы экономики. 2015. № 10.
37. *Явлинский Г.* Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. 2007. № 9.
38. *Капелюшников Р.* Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008. № 3.
39. *Григорьев Л., Курдин А.* Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1.
40. От перераспределения благ к созданию процветания: выводы из Индекса глобальной конкурентоспособности (из доклада Всемирного экономического форума и Евразийского института конкурентоспособности) // Вопросы экономики. 2011. № 8.
41. *Кузнецова О.* Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // Вопросы экономики. 2016. № 4.
42. *Зубаревич Н.* Выход из кризиса: региональная проекция // Вопросы экономики. 2012. № 4.
43. *Мозиас М.* Экономика Китая: погружение в “новую нормальность” // Вопросы экономики. 2015. № 4.
44. *Потапов М.* Использование сравнительных преимуществ и частный сектор в экономике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4.
45. *Акаев А.* От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М. : Ленанд, 2014.